

посылки главного тезиса. В конце САЕ делается соответствующий вывод, так что все САЕ представляет собой развернутый в текст условный силлогизм, что обеспечивает его полное логико-смысловое единство.

Таким образом, текст «Критики чистого разума» представляет собой целую иерархию причинно-следственных и условно-имплицативных отношений, существующих как внутри СФЕ и абзаца, так и в САЕ и последовательностях САЕ. Эти отношения способствуют как членению текста, так и его связи в единое целое.

В данной статье были рассмотрены в основном две разновидности САЕ, основанные на причинно-следственных отношениях. Эти отношения изоморфны в различных единицах текста. Они выступают одновременно и как глобальные композиционные принципы построения текста в «Критике чистого разума».

1. О понятии сверхфразового единства и его соотношениях с абзацем см.: Копцев И. Д. Некоторые вопросы организации текста в «Критике чистого разума» И. Канта. — В кн.: Кантовский сборник. Калининград, 1983, вып. 8, с. 89—100.

² Термин заимствован у И. Р. Гальперина. — См.: Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981, с. 59.

Д. С. ШИМАНОВСКИЙ

Проблема морального самосознания в этике И. Канта

В истории философии тайна человеческого сознания глубоко интересовала Сократа и Платона, Декарта и Спинозу, Локка и Лейбница. Но материалисты обращали преимущественное внимание на ту сторону духовного мира человека, которую сегодня именуют предметным сознанием, нередко игнорируя его обращенность на самого субъекта (самосознание). Идеалисты же, по существу, сводили сознание к мистифицированному самосознанию, отрицая его обусловленность внешним миром как объективной реальностью. И Кант первым из представителей немецкого классического идеализма попытался осуществить многоплановое исследование самосознания в гносеологическом, этическом и психологическом аспектах. Но именно эта часть его теоретического наследия остается наименее изученной.

В центре философии И. Канта — человек как двойственное по своей природе существо: телесное в мире феноменов и в то же время духовное в мире умопостигаемых сущностей (ноуменов). В отличие от Декарта он полагал, что по своей эмпирической природе человек изменчив и гетерономен, поскольку находится в причинной зависимости от других тел, а в «интеллигибельной» сущности постоянен и автономен, ибо его образ мыслей определяется собственным разумом и волей. Согласно Канту, в человеке можно выделить «психологиче-

ское», «логическое», «интеллигибельное Я» как эмпирический, гносеологический и трансцендентальный субъект. В сознании человека Кант формально разграничивает, во-первых, внешнее чувство (перцепцию), посредством которого он воспринимает свое тело в пространстве; во-вторых, внутреннее чувство (эмпирическую апперцепцию), предметом которого становится «психологическое Я», каким оно наглядно представляется нам во времени; в-третьих, чистое самосознание (трансцендентальную апперцепцию), в котором исходное представление «я мыслю» сопровождает все наши понятия. Однако, по словам В. И. Ленина, во всех разновидностях «Я» у Канта пустая форма («самовысасывание») без конкретного анализа процесса познания¹.

Трансцендентальное единство апперцепции — это, по Канту, осознание умопостигаемой личностью своего тождества на основе синтеза всех ее представлений в неизменно чистом «Я». В отличие от Лейбница Кант трактует эту апперцепцию как изначальную основу единства самосознания, без которого невозможно и самопознание. Вопреки картезианско-локковской традиции он отличает самосознание от самопознания, но видит в первом лишь априорное условие второго, рассматривая при этом самопознание как активное самосозерцание, имманентную личности самодеятельность.

В противоположность берклианско-юмовскому отождествлению субъекта с объектом в самопознании И. Кант четко различает их, вместе с тем констатируя неразрешимую антиномию разума, согласно которой человек одновременно выступает как субъект и объект самопознания. «Я сознаю самого себя — эта мысль заключает в себе уже двойное Я: Я как субъект и Я как объект. Каким образом я, мысля, сам могу отличить себя от самого себя, — этого никак нельзя объяснить, хотя это факт несомненный: он обнаруживает, однако, способность, стоящую настолько выше чувственного созерцания, что она, как основание возможности рассудка, в результате создает пропасть между нами и животными» (4(1), 295—296). При этом, подчеркивает Кант, «анализ осознания меня самого в мышлении вообще не дает никакого знания обо мне самом как объекте» (4(1), 375).

Улавливая реальную сложность и противоречивость интроспекции и рефлексии как форм и уровней самопознания, Кант лишь отмечает бесплодность попыток наблюдать свои произвольные действия и собственные мысли без их субъективного искажения. Вместе с тем, пытаясь избежать субъективизма, он предупреждает об опасности отрыва самопознания от постижения объективной реальности и замыкания субъекта в самом себе. «Склонность погружаться в себя вместе с возникающими отсюда заблуждениями внутреннего чувства может войти в норму только тогда, когда человек не возвращается

к внешнему миру и тем самым к тому порядку вещей, с которым имеют дело внешние чувства» (6, 191).

Согласно И. Канту, понять и оценить себя как личность человек способен лишь поскольку он постигает свою родовую природу, собственную свободу и равенство с другими людьми. Человек есть личность благодаря представлению о своем Я как обладающем сознанием свободы и разумом. Каждый может по своему произволу принимать решения и совершать поступки, а следовательно, и отвечать за них. В зависимости от того, кладет человек в основание своих поступков априорный моральный закон или уклоняется от него, он становится добрым или злым. В отличие от Паскаля, исходящего из врожденной греховности человеческой природы, и Руссо, стоявшего на позициях наивного морального оптимизма, Кант допускает в природе человека как изначальные задатки доброты, так и предрасположение ко злу. К первым он относит задатки *животности* (выраженные в «физическом самолюбии» — стремлении к самосохранению, продолжению рода и общению с другими людьми), *человечности* (проявляемой в «разумном самолюбии» — склонности судить о себе путем сравнения с другими, добиваясь признания своей ценности и равенства) и, наконец, задатки *личности* (способность практического разума воспринимать уважение к моральному закону как самодостаточный мотив произвола). Последняя способность и создает, по Канту, возможность доброй воли из неискоренимого чувства долга (4(2), 28—29).

В истории докантовской этики не было мыслителя, который с такой остротой поставил бы проблему нравственной ответственности личности перед собой и человечеством за свои убеждения и поступки. Понятие ответственности «всегда содержится в моральном законе» (4(2), 478), поскольку каждый сам устанавливает его как всеобщий закон, руководствуясь им в собственном поведении. В абстрактной форме Кант отстаивает тезис о том, что специфика морального убеждения состоит в его самостоятельной выработке личностью и свободном следовании ему на практике. Мнимо нравственному, «легальному», поведению из эгоистических побуждений сообразно с буквой закона (гипотетическим императивом) он противопоставляет подлинно моральное, бескорыстное поведение из чувства долга в соответствии с духом закона (категорическим императивом) как самоцелью. Начало человеческой мудрости и первое веление долга перед собой Кант видит в познании глубин своего сердца: «доброе ли оно или злое, чист ли источник твоих поступков или нет, и что может быть человеку вменено как изначально присущее его *субстанции* или как производное (приобретенное или нажитое) и, быть может, принадлежит к моральному *достоянию*» (4(2), 380).

Абсолютизируя рациональное самопознание, И. Кант счита-

ет, что только оно обеспечивает искренность и беспристрастность в суждении о себе и своем моральном достоинстве на основе практического закона, противодействуя переоценке или недооценке собственной доброты, избегая «сентиментального самоуничтожения» и «себялюбивого самовозвеличивания». Правда, по его мнению, человеку «не дано проникать в собственную душу столь глубоко, чтобы вполне быть уверенным в чистоте своих моральных намерений и в ясности своего образа мыслей хотя бы в одном поступке, даже если он не сомневается в его легальности» (4(2), 327). Так как моральное самопознание невозможно без самооценки, каждый обязан судить о своих поступках не столько по их легальности, сколько по их моральности (внутреннему соответствию нравственному образу мыслей).

Практический разум, постоянно напоминаящий человеку о долге оценивать себя исходя из категорического императива, И. Кант именуется совестью, рассматриваемой широко как комплекс моральных, интеллектуальных и эстетических задатков. В его учении о совести этико-психологическая прозорливость переплетается с метафизически-спекулятивной близорукостью. Философ убежден, что совесть не приобретается и не создается произвольно, а изначально коренится в сущности человека как оценочное отношение разума к своему субъекту. Вместе с тем он справедливо подчеркивает: чтобы испытывать угрызения совести или нравственное удовлетворение от сознания выполненного долга, надо хотя бы отчасти быть уже морально добрым. Без совести людей не бывает; она за каждым неотступно следит подобно тени, и никто не может избежать ее суда. Но есть индивиды, склонные заглушать и усыплять в себе ее голос, и в этом смысле беспринципная «растяжимая» совесть, снисходительная к малейшему нарушению долга, есть бессовестность.

По своему эмпирическому характеру, человек склонен оправдывать и извинять собственные деяния, объясняя их естественной необходимостью. Но поскольку личность обладает интеллигентным характером и свободно определяет свои поступки, она вменяет их себе в заслугу или вину по приговору разума, стоящего на страже морального закона. В отличие от стыда как чувствительности к мнению других, совесть есть «внутренний судья над всеми свободными поступками» (4(2), 378). Улавливая противоречие в раздвоении совести на обвинителя и адвоката, Кант пытается установить объективный критерий ее приговора, отражающего надличностные принципы нравственности в самосознании индивида: «...Хотя дело совести есть дело человека, которое он ведет против самого себя, разум человека вынужден вести это дело как бы по велению некоего другого лица... Следовательно, совесть человека при всяком долге будет не себя, а кого-то *другого* (как человека

вообще) мыслить судьей его поступков, если она не должна находиться в противоречии с самой собой» (4(2), 377). Оказавшись перед необходимостью раскрыть конкретно-историческое содержание совести, Кант все же не смог глубоко понять ее подлинно социальной сущности и в качестве «верховного судьи» примыслил бога, перед которым она несет ответственность.

Назначение совести И. Кант видит преимущественно в негативных функциях предупреждения, обвинения и наказания самого субъекта при умышленном уклонении от долга в прошлом, настоящем или будущем. Даже когда совесть оправдывает его поступки, она не доставляет ему иного вознаграждения, кроме самоудовлетворения и утешения в связи с избежанием наказания. Кант убежден, что совесть справедлива и безошибочна, если в своем суждении не выходит за рамки сопоставления поступков с правильно понятым долгом, который уничтожает в нас самомнение. Вместе с тем люди порой склонны обманчиво судить о себе не по действительным мотивам поступков, а по их неожиданным последствиям вопреки совести, и потому явно переоценивают свои заслуги, случайно избежав зла. «Отсюда и спокойствие совести у столь многих (по их мнению добросовестных) людей, когда они удачно избежали дурных последствий каких-то поступков, при совершении которых они не спрашивали у закона совета, во всяком случае закон не имел решающего голоса» (4(2), 41). Подобным же образом мы пытаемся хитрить с собой, оправдывая свое поведение естественной необходимостью, роковым стечением обстоятельств, хотя были в здравом уме и свободно принимали решение, за которое несем полную ответственность перед совестью. В то же время Кант осуждает лицемерное покаяние в грехах, фанатическое самобичевание из суеверного страха или ханжеского отвращения к себе, противопоставляя всему этому нравственное раскаяние из глубокого уважения к долгу. Философ считает, что требование поступать по совести само по себе не может быть долгом, но его следует всемерно культивировать, исходя из моральной обязанности перед собой и человечеством.

Одной из прогрессивных идей этики И. Канта, раскрывающих специфику морального самосознания личности, является категория человеческого достоинства. Исходя из дуалистического взгляда на натуру человека, Кант рассматривает его, с одной стороны, как животное в системе природы, используемое лишь в качестве средства и потому имеющее внешнюю, относительную ценность (цену), а с другой — как личность в «царстве целей», то есть как автономного субъекта практического разума, бытие которого является самоцелью и обладает внутренней, абсолютной ценностью (достоинством). Оценивая себя как родовое существо, человек приходит к сознанию сво-

его прирожденного достоинства, которое выше всякой цены и не имеет эквивалентов. В своем лице он представляет человечество, заслуживающее как бескорыстного уважения со стороны других лиц, так и самоуважения. «Следовательно, он должен оценивать себя и по малому, и по большому мерилу в зависимости от того, рассматривает ли он себя как чувственно воспринимаемое существо (по своей животной природе) или как умопостигаемое существо (по своим моральным задаткам). Но поскольку он должен оценивать себя не только как лицо вообще, но и как человек, то есть как лицо, имеющее по отношению к самому себе обязанности, налагаемые на него собственным разумом, то его ничтожность как *человека-животного* не может умалять его достоинства как *человека, наделенного разумом*, и он не должен отречься от высокой моральной оценки самого себя, имея в виду это достоинство...» (4(2), с. 373).

Размышляя о чувствах, вызываемых звездным небом над нами и моральным законом внутри нас, И. Кант пытается определить место и назначение человека в мире. Ощущая свою ничтожность перед бесконечностью эмпирического мира, мы в то же время сознаем свое величие в мире умопостигаемом, где царствует закон долга — основа самоуважения человека (4(1), 499—501). Честная личность не может не испытывать глубочайшего уважения к своей моральной сущности. Правильно понимая, каким надо быть и как действовать, чтобы остаться личностью, человек стремится должным образом занять достойное место в мире. По мнению Канта, лучше уж быть предметом ненависти, чем презрения. Ложь, тщеславие, раболепие подрывают уважение к личности, унижая ее достоинство.

Выступая против натуралистической этики французских просветителей, И. Кант утверждает, что моральный закон сдерживает и ограничивает в нас естественный эгоизм себялюбия, рождаемый чувственными влечениями, и сокрушает сомнение как эгоизм самодовольства, выраженный в неоправданных притязаниях и завышенных самооценках. «То, представление о чем *как об определяющем основании нашей воли* смиряет нас в нашем самосознании, само по себе будит чувство *уважения* к себе, поскольку оно положительно и есть определяющее основание» (4(1), 399). Кант осуждает «этический фанатизм» как высокомерное хвастовство своими достоинствами из пустого самолюбия, высоко оценивая скромность — проявление «истинного смирения» в сравнении себя с другими — и вместе с тем отвергая раболепие как «ложное смирение», выраженное в самоунижении, угодничестве, умалении собственного достоинства. По его мнению, беспристрастность и искренность в оценке своего достоинства или недостойности есть долг человека перед собой, непосредственно вытекающий из первого веления — самопознания (см. 4(1), 380).

Анализируя взаимосвязь между оценочным отношением к себе и другим, И. Кант подчеркивает зависимость самооценки от уважения личности к окружающим и от их отношения к ней. Чувство «благородной гордости» (любовь к чести) как заботу о поддержании своего достоинства перед другими он противопоставляет «благопристойному» высокомерию (виду честолюбия) — стремлению к показной репутации и возвышению себя над другими. Свокорыстный мотив честолюбия у разных лиц проявляется в извращенных формах добродетели: в тщеславии, надменности, чванливости и др. В противовес эгоисту, ограничивающему мир своим «Я», Кант выдвигает идеал человека, рассматривающего себя как гражданина мира — представителя человечества. «Быть полезным звеном мира есть долг человека перед самим собой, так как это также относится к достоинству человечества в его лице, которое он не должен унижать» (4(2), 385).

Из внешней ценности и внутреннего достоинства человека И. Кант выводит долг перед собой как физическим и моральным существом. В отношении к себе как природному индивиду человек должен сохранять свое родовое и индивидуальное бытие вместе со способностью к наслаждению жизнью, отвергая распутство, пьянство, обжорство, самоубийство как несовместимые с долгом перед собой. По отношению к себе как существу моральному человек имеет, во-первых, обязанности негативные, ограничивающие и запрещающие те поступки, которые противоречат сохранению его морального здоровья (долг воздержания), и, во-вторых, положительные обязанности совершать поступки, расширяющие и совершенствующие его моральную природу, ведущие к нравственному благополучию и «культуриванию» себя (долг совершенства) (4(2), 355). Обязанности личности по отношению к другим лицам, к живой и неживой природе Кант также рассматривает в конечном счете как долг перед собой, поскольку выполнение их способствует моральному самосохранению. Иллюзорные попытки рассматривать обязанности перед другим как самостоятельные, независимые от долга перед собой, Кант называет «амфиболией моральных рефлексивных понятий». Но и он до конца не понял взаимосвязи личного и общественного, долга перед собой и другими, в духе буржуазного индивидуализма отдав предпочтение первому.

Кант искренне верит в неограниченные возможности воспитания. Вместе с тем индивид становится подлинно человеческим, лишь поскольку воспитание его осуществляется посредством самовоспитания². Человек должен быть лучше, следовательно, он может стать лучше, полагаясь при этом не на бога или природу, а на собственный разум и волю. Опираясь на задатки доброго принципа в себе, руководствуясь данными самопознания, он должен сам совершенствовать свои душевные и те-

лесные силы во имя достойных целей. Особое значение философ придает моральному самосовершенствованию как долгу и самоцели каждого. Нравственное самосовершенствование должно начинаться не с исправления нравов путем борьбы против отдельных пороков, а с утверждения своего морального характера путем коренного преобразования в сердце. Если эмпирический характер приобретает постепенной реформой своего поведения, изменением образа чувств, то моральный характер достигается революцией в образе мыслей, ниспровержением в себе изначально злых побуждений. Вместе с тем добрым в полной мере человек становится «только в непрерывной деятельности и созидании, то есть он может надеяться, что при такой чистоте принципа, который он взял за высшую максимум своего произвола, и при твердости этого принципа он находится на добром (хотя и узком) пути постоянного *движения вперед* от плохого к лучшему» (4(2), 51—52). Кант стремится уловить диалектику нравственного становления личности, но отрывает этот процесс от общественно-практической деятельности, подменяя социальную революцию моральной.

Рассматривая самосовершенствование каждого человека как решающее средство морального оздоровления человечества, И. Кант твердо верит в нравственный прогресс, но трансцендентальное основание его усматривает в божьей воле и бессмертии души. Для Канта, как и для других представителей домарксистской этики, характерен абстрактно-умозрительный, внеклассовый подход к проблемам нравственного развития общества и личности. В то же время ряд плодотворных идей выдающегося гуманиста, в особенности его учение о моральном самосознании, о долге, и совести, об ответственности и достоинстве личности, и в наши дни сохраняет значение для творческого развития марксистско-ленинской этики, педагогики, психологии, социологии.

¹ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. — Полн. собр. соч. 2-е изд., т. 18, с. 186.

² См.: Кант И. О педагогике. М., 1896, с. 20—21.

Б. Л. ГУБМАН

Трансцендентальная антропология современного неотомизма

Теоретическое наследие И. Канта оказало значительное влияние на судьбы эволюции европейской философии нового времени, способствовало кристаллизации основных проблем и методологического арсенала современной буржуазной философской мысли. «Философия Канта,— как отмечает И. С. Нарский,— оставила в истории мировой мысли очень глубокий